

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 3

Глава I

В огне гражданской войны. Начало гонений 16

Глава II

Время расколов и нестроений 75

Глава III

Под угрозой гибели 131

Глава IV

На защите Отечества. Начало возрождения 174

ПРЕДИСЛОВИЕ

В последнее время в России, впервые после октября 1917 г., коренным образом изменилось отношение к Православной Церкви. Развернулся бурный, исключительно благотворный для общества процесс ее возрождения. Сложная, противоречивая, трагическая история Русского Православия XX в. ранее относилась к темам, фактически закрытым для объективного изучения отечественными историками. Сейчас, когда открылись недоступные прежде архивы, исчез жесткий идеологический контроль государства, все больше ученых обращаются к ней. Однако интенсивное, подлинно научное изучение темы только начинается. Автору представляется, что время фундаментальных обобщающих трудов еще не пришло. На современном этапе, возможно, следует ограничить исследование тематическими или региональными рамками. С другой стороны, основные спорные проблемы новейшей истории Русского Православия неизбежно встанут и в такого рода исследованиях, и попытаться решить их необходимо.

К подобным ключевым проблемам относится вопрос: почему Православная Церковь в период революционных потрясений и гражданской войны 1917—1920 гг. не смогла выполнить своей традиционной стабилизирующей, консолидирующей нацию роли? Конечно, однозначного ответа на него дать невозможно. Причины этого достаточно многообразны. В этой связи уместно вспомнить заслуживающий внимания, хотя и не бесспорный, тезис известного французского историка XIX — начала XX в. Эли Галеви о том, что страны, для которых характерен религиозный плюрализм, проходят в основном эволюционный путь развития, тогда как государства с одной монопольной религией — преимущественно революционный, скачкообразный. Приводимый Галеви

пример Великобритании действительно свидетельствовал, что законодательное оформление веротерпимости в 1830-е гг. и, в частности, распространение методизма способствовали канализированию оппозиционных настроений в русле религиозного энтузиазма. Широкая веротерпимость, а следовательно, и отсутствие активного антиклерикализма, популярность прагматических вариантов решения острых проблем были в большей степени характерны для стран с протестантской культурой. В то же время монополия одной религии (Франция, Испания) создавала ситуацию, когда господство абсолютных критериев в политике и общественной жизни разводило людей „по разные стороны баррикад“ и мешало достижению компромиссов.

Не случайно и в бурные для Центральной и Восточной Европы 1918—1919 гг. советские республики возникли лишь в католических Венгрии и Баварии, не считая возникших на территории бывшей Российской Империи. На основной же части Германии, например, были широко представлены и другие конфессии, прежде всего Лютеранская Церковь, и их деятельность стала одним из факторов общей стабилизации ситуации в стране. В России вплоть до 1917 г. подобной широкой веротерпимости не было, хотя все основные предпосылки для нее имелись: в стране достаточно мирно уживались представители самых разнообразных конфессий. Отсутствие законодательно закреплённой веротерпимости являлось не виной, а бедой Русской Православной Церкви, чуть ли не больше всех общественных институтов страдавшей от существовавшего порядка. Отмена в начале XVIII в. патриаршества, введение синодальной системы с подчинением Церкви бюрократическому аппарату лишили ее самостоятельного голоса в обществе, уподобили приходского священника полицейскому чиновнику, который обязан был сообщать властям о политических настроениях своей паствы. Ложность положения Церкви была и в том, что формально она являлась государственной, а потому противники легко могли возлагать на нее долю ответственности за репрессивную политику самодержавия и социальную несправедливость, творимую государственным аппаратом.

Русская Православная Церковь переживала тяжелый кризис. О необходимости серьезных преобразований в ней уже в конце XIX в. говорили многие религиозные и общественные деятели. Период 1905—1917 гг. характеризовался недовольством основной части духовенства политикой Святейшего Синода и существовавшей системой в целом. „Церковь проснулась, бурлила, полная надежд и свежих, жизненных — в основном, здоровых — соков. Христианские социал-демократы и радикалы были лишь небольшими крайними течениями“. Начали создаваться разнообразные приходские братства, религиозно-нравственные кружки и общества, выходить многочисленные популярные православные журналы и сборники на общественные, философские темы, возрождалось церковное проповедничество и т.д. В итоге „в последнее предреволюционное двадцатилетие вопреки совместным стараниям правительства, царя, синодальной бюрократии и атеистической интеллигенции Церковь наконец прорвалась за пределы своего гетто... Но

это все, так сказать, атмосферные перемены, не институционные“.¹ Несмотря на разнообразные инициативы, проекты и т.п., Православной Церкви так и не удалось до 1917 г. обрести желанную самостоятельность, избрать на Поместном Соборе Патриарха. Ее внутренний кризис, зависимость от государства, подрыв духовного авторитета в глазах части народа явились факторами, не позволившими ей встать непреодолимым нравственным барьером на пути экстремистских методов политической борьбы, самоистребления нации. Канадский историк Дмитрий Поспеловский совершенно справедливо писал: „Выйди Церковь в революцию самостоятельной единицей, с большим нравственным авторитетом и опытом независимого существования, духовно и административно спаянной, роль ее была бы вполне сравнимой с ролью Католической Церкви в Польше 1947—1988 годов“.²

Следует особо отметить, что Православной Церкви понадобилось бы очень мало времени, чтобы превратиться в Церковь, отвечающую всем указанным выше критериям. Потенциальная сила ее была уникальна. Февральская революция являлась не только политической, социальной, но и религиозной. После нее Русское Православие начало „возрождаться“, основная же часть Церкви стала выходить из внутреннего кризиса с осени 1917 г. Наиболее ярко это проявилось в избрании Патриарха и особенно в деятельности Поместного Собора 1917—1918 гг. Не случайно некоторые зарубежные историки писали, что решения и сама постановка вопросов на нем во многом опережали весь остальной христианский мир. „Продлись Собор в 1919 г., Церковь в дальнейшем выступила бы не „пережитком отсталого царизма“, как ее представляла богоборческая пропаганда, а живым динамичным организмом, непоколебимым в своих вероучительских основах, но откликающимся на требования времени, отвечающим духовным запросам и понятиям современного человека“.³ Однако процесс подлинного обновления Русского Православия был насильственно прерван почти в самом начале. Яркое выраженной антицерковной направленности деятельности Совнаркома, тяжелейшие удары по поднимавшейся патриархии, нанесенные уже в течение первого года после Октябрьской революции и серьезно поколебавшие многие устои Церкви, также стали причиной неудачи ее миротворческой функции.

Другой спорной проблемой является оценка действий Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского) в конце 1920-х гг. — издание им „Декларации 1927 г.“, означавшей уход с позиций аполитичности, допущенное им вмешательство властей в кадровую политику и т.п. Именно с этого времени государственным структурам удалось, после неоднократных неудачных попыток, взять под свой контроль внутрицерковную жизнь. 1927 г. стал и отправной точкой ныне существующего раскола Русской Православной Церкви на Патриаршую, Зарубежную и Катакомбную. Деятельность митрополита Сергия вызывала и вызывает резкую критику многих историков, особенно в среде российских эмигрантов. Однако автору представляется, что реальной альтернативы в условиях тех лет ей не было. Развернутая аргу-

ментация этой точки зрения содержится в соответствующем разделе книги. Здесь же хотелось привести некоторые исторические аналогии. Так, можно вспомнить политику Православной Церкви в период татаро-монгольского ига. Ее компромиссная позиция позволила уцелеть многим островам неразоренной Русской земли и в конечном итоге способствовала возрождению государственности. В еще более драматических обстоятельствах оказалась Болгарская Церковь после турецкого нашествия. Она признала власть завоевателей-иноверцев, отказалась от призывов к прямому вооруженному свержению ее и этой своей политикой помогла болгарскому народу сохраниться как нации. Именно Церковь в значительной степени спасла его от ассимиляции. Православные храмы и монастыри на протяжении многовекового османского владычества играли роль очагов национального самосознания, этим самым создавая предпосылки для будущего возрождения страны.

Если сравнивать новейшую историю Русской Православной Церкви с положением религиозных организаций в других социалистических странах Восточной Европы, можно отметить, что серьезные объективные основы для избранной митрополитом Сергием политики были. Все коммунистические режимы проявляли настороженное или негативное отношение к Церкви, однако в большинстве государств эта враждебность никогда не доходила до широкомасштабных репрессивных акций. К несчастью, в силу ряда факторов существенная часть расчетов митрополита Сергия не оправдалась. Ни в одной из социалистических стран, кроме Албании, не было такого широкомасштабного разгрома Церкви, как в СССР. Хотя и в послеоктябрьской истории нашей страны бывали периоды смягчения отношения к религии, признания ее роли в духовной жизни миллионов верующих.

Из исследователей, осуждающих политику Владыки Сергия (Старгородского), наиболее последовательно и аргументированно доказывает реальность альтернативы известный отечественный историк, в прошлом диссидент Лев Регельсон. Так, в частности, он считает, что если бы в конце 1920-х гг. основная часть Православной Церкви пошла катакомбным путем, то в 1943 г. «Сталин вызвал бы из подполья разрозненные группы духовенства и, все равно, восстановил бы патриаршее управление, которое было бы внутренне свободнее и нравственно чище, чем „Сергиевское“».⁴ Но к началу Великой Отечественной войны в подполье уцелели лишь небольшие группы клириков, практически без архиереев, которые могли бы претендовать на пост Патриарха. Кроме того, вряд ли руководство ВКП(б) обратилось бы к заведомым „врагам“, тем более, что тогда еще действовали „просоветские“ обновленцы и григорианцы. И, наконец, если бы „истинно-православные“ и приняли предложения Сталина, то они были бы вынуждены пойти во многом на те же компромиссы, что и митрополит Сергий при „легализации“ в 1927 г. Без преувеличения можно сказать, что эта ключевая проблема еще не одно десятилетие будет предметом острых дискуссий как историков, так и религиозных, политических и общественных деятелей.

Одной из догм советского общественного сознания долгое время являлось утверждение, что всякие религии во все времена реакционны, что Церковь может играть только сугубо отрицательную роль в жизни людей. «При этом распространялись иллюзии, что с уничтожением религиозных убеждений общество освободится „от старого хлама — морали рабов“ и быстро выработает некую новую, в корне отличную от прежней, „классовую мораль победителей старого мира“». ⁵ Цена подобных утверждений сейчас наглядно видна всем. Гораздо сложнее определить, как же трагедия Русской Православной Церкви отразилась на общественной жизни, духовной культуре, экономике страны, какой невосполнимый ущерб был нанесен России. Глубоких научных исследований на эту тему еще не проводилось. Между тем к 1917 г. благотворная роль Церкви во многих основных сферах жизнедеятельности общества, морально-нравственном облике, образе жизни народов России была очень значительной.

Прежде всего последствия отпадения новой государственной власти от христианских начал, ее острого конфликта с православным духовенством проявились в политической сфере. Гонения на Церковь стали одной из важнейших причин обострения гражданской войны, хотя Патриарх и Священный Синод активно боролись за прекращение братоубийственной розни, самоистребления великого народа, злобной одержимости политическими идеями, проповедуя терпимость и братолюбие. Характерным для Церкви было также выступление ее в первые годы советской власти за преобразование мира ненасильственными средствами, за свободу политической деятельности духовенства и верующих. По мере утверждения тоталитаризма в стране часть духовенства превратилась в оплот свободомыслия, оппозиции господствующему политическому режиму (канонизация новомучеников, молебны о репрессированных и т.д.). Особенно ярко эти тенденции проявились в деятельности иосифлянского движения, Катакомбной и Русской Зарубежной Православных Церквей. В конечном счете, разгром и внутренний кризис Русского Православия самым непосредственным образом сказался на ограничении свободы совести, утверждении тотального идеологического контроля, размывании нравственной основы борьбы и протеста в стране. Антирелигиозные гонения явились также подготовкой и репетицией массовых репрессий 1930-х гг., способствовали созданию соответствующей общественной атмосферы (появление категории „лишенцев“, в том числе священнослужителей, преследование их родственников). Движение комсомольцев-безбожников фактически воспитывало способное на любые бесчеловечные акции молодое поколение и т.д. И все же народные массы сберегали в своей основе истинное Православие (не приняв фальшь обновленческого раскола), сдерживали натиск государственных попыток уничтожить Церковь. В годы советской власти не утратила своей религиозности значительная часть русского народа, несмотря на правительственные акции (в 1930-е, 1960-е гг.), но в то же время происходила постепенная эрозия православного сознания верующих.

Всегда значительной была роль Церкви в сохранении русского национального самосознания, воспитании патриотизма. Особо следует отметить ее вклад в защиту Родины от иностранных вторжений в XX в. Именно необходимость обращения в ходе Великой Отечественной войны к русским патриотическим традициям стала одной из важнейших причин, заставивших Сталина и его окружение изменить церковную политику и разрешить в сентябре 1943 г. выборы Патриарха. Последствия же антицерковных акций: уничтожение русских национальных святынь (чудотворных икон, мощей святых угодников), искажение истории России, ликвидация института военных священников — оказались трагичными для страны.

Так же, как трудно переоценить воздействие Церкви на морально-нравственное сознание и духовность общества, так невозможно не отметить трагичности подрыва ее духовного авторитета. В СССР происходила подмена христианских (общечеловеческих) ценностей классовыми. Был разрушен деревенский микромир с его религиозной доминантой. Искоренялись и православные элементы традиционного образа жизни русского народа (церковные праздники, посты, крестные ходы). Особенно масштабными являлись соответствующие акции 1920-х гг. — публичное снятие икон в общественных местах, красные крестины, свадьбы, изобретение новых имен, комсомольские пасхи и т.п. В это время начался кризис церковного религиозного брака, проповеди плотской чистоты.

Последствия были печальны — рост проституции, венерических заболеваний и т.д. Некоторое распространение (в обновленческой Церкви) получили даже брачный епископат, многобрачие клириков, преодоленные только к 1940-м гг. Разрушался и культ погребения — происходило ограничение отпеваний, уничтожалась значительная часть кладбищ, специальные государственные органы занимались разграблением могил.

Огромное значение в общественной жизни России до 1917 г. имело духовное образование и религиозное воспитание детей (действовали детские церковные союзы), была широко развита религиозная благотворительность. Церковь боролась с преступностью, алкоголизмом, наркоманией (существовали православные общества трезвости). Соответствующие сферы деятельности были полностью запрещены уже к середине 1920-х гг. Этим, в частности, ликвидировалась духовная ниша для изгоев общества — закрывались больничные, приютские, тюремные храмы.

Особо следует сказать о месте Русской Православной Церкви в культуре народов России. Религия всегда служила источником великого в человеческом творчестве. Антицерковные акции не только стали причиной гибели значительной части культурных ценностей страны (уничтожение храмов, колоколов, угасание церковной музыки, живописи, народных ремесел), но и оказали негативное влияние на отношение к старому культурному наследию в целом. Уничтожение монастырей — культурных, духовных центров страны, вытеснение „лишенцев“, и в их числе значительных слоев интеллигенции, из общественной жизни СССР, гонение на богословие, идеалистическую философию (высылка в 1922 г. из страны

С.Булгакова, Н.Бердяева, убийство отца Павла Флоренского и т.д.) способствовали также и снижению интеллектуального потенциала общества. В этой связи необходимо вспомнить и о запрете на издательскую деятельность Патриархии, о ликвидации церковных архивов, библиотек, уничтожении книг, документов. Не случайно в настоящее время одинаково остро стоят взаимопереплетающиеся проблемы возрождения Православной Церкви и национальной духовной культуры.

Негативно влияла государственная религиозная политика и на экономику страны. Здесь нужно отметить такие факторы, как уничтожение экономической основы Церкви; кризис религиозного отношения к труду, уважения к частной собственности; взаимосвязь раскулачивания со всплеском антицерковных акций и т.д. Наконец, заключительной, но не последней по важности является проблема внутренней эрозии самой Православной Церкви: внедрение в нее чужеродных государственных начал, вовлеченность в мирскую стихию; утверждение контроля государственных органов над церковной деятельностью; конфликт между требованиями церковной совести, архипастырского долга и административным послушанием Патриарху; пресечение любой инициативы, противоречащей курсу государственно-церковной политики.

Изучение указанных проблем в определенной степени способствует решению важнейших задач, стоящих сейчас перед Церковью: преодоление внедрения государственных структур во внутрицерковную деятельность, укрепление православного сознания верующих, ликвидация трагического раскола Русского Православия на три ветви: Зарубежную, Катакомбную и Патриаршую.

Хочется верить, что времена жестоких антицерковных гонений в России никогда больше не повторятся. Преследования, лишение свободы, пытки, расстрелы людей за их религиозные убеждения являются одним из самых страшных преступлений тоталитарного режима в СССР, вопиющим нарушением общепринятых норм существования цивилизованного общества.

В книге освещаются важнейшие страницы жизнедеятельности, главным образом, Петроградской (Ленинградской) епархии, хотя нередко рассматриваются и общецерковные проблемы, отдельные моменты истории других епархий Северо-Запада России. Северная столица всегда имела особое значение для судеб Русской Православной Церкви. В ней просияли многие канонизированные святые: благоверный князь Александр Невский, архимандрит Игнатий (Брянчанинов), блаженная Ксения Петербургская, отец Иоанн Кронштадтский, новомученики — великая княгиня Елизавета Федоровна, митрополит Петроградский Вениамин и расстрелянные вместе с ним профессор Ю.Л.Новицкий, архимандрит Сергей (Шейн), юрисконсульт Александро-Невской лавры И.М.Ковшаров. Ленинград и в 1920—1930-е гг. в значительной степени оставался церковным центром страны. Не случайно почти все патриархи Русской Православной Церкви в XX в. были Ленинградскими митрополитами (Владыки Алексей I, Пимен, Алексей II) или временно управляющими епархии (Владыка Сергей).

Церковная общественность города на Неве особенно чутко реагировала на все изменения в политической и социальной жизни страны. Именно здесь зародились обновленческое и иосифлянское движения. В Петрограде на 1917 г. Православная Церковь обладала наиболее прочными позициями, огромным влиянием на народные массы. Соответственно и сопротивление экстремистским акциям властей оказалось чрезвычайно упорным. Так, в январе 1918 г. при защите Александроневской лавры была одержана, вероятно единственная крупная, безусловная победа Церкви над большевистским правительством в их многолетней неравной борьбе. И последняя открыто оппозиционная властям иосифлянская община при храме Пресвятой Троицы сумела легально продержаться до 1943 г. также в Ленинграде. Новейшая история Санкт-Петербургской епархии богата необычайно. Достаточно сказать, что в рассматриваемый период ее возглавляла целая плеяда выдающихся иерархов: митрополит Вениамин (Казанский), епископы Николай (Ярушевич), Мануил (Лемешевский), Венедикт (Плотников), митрополиты Иосиф (Петровых), канонизированный Зарубежной Русской Православной Церковью, Серафим (Чичагов), Алексей (Симанский), Григорий (Чуков). Предлагаемая работа является лишь первым шагом, необходимость дальнейшего глубокого исследования темы очевидна.

Хронологически книга охватывает период 1917—1945 гг. На эти годы приходится ключевые, переломные этапы в новейшей истории как Петербургской епархии, так и Русской Православной Церкви в целом. Их изучение особенно актуально сейчас. Для широких обобщений и беспристрастного исследования более позднего периода благоприятное время еще не наступило. До сих пор не рассекречены многие важные документы. Кроме того, один из основных источников — материалы Уполномоченного Совета по делам религии по Ленинграду и области за 1970—1980-е гг. — еще даже не поступил на хранение в государственные архивы.

В отечественной и зарубежной историографии нет крупных работ, специально посвященных событиям в Петроградской (Ленинградской) епархии 1917—1945 гг. Труды же советских исследователей по новейшей истории Русской Православной Церкви в целом, рассматривавшие отдельные аспекты избранной темы, как правило, имеют очень общий, обзорный характер, к тому же несут сильный идеологический отпечаток прежнего официального негативного отношения к религии.⁶ Церковь в них зачастую представляется абсолютно реакционным антинародным институтом, а органы государственной власти показаны исключительно в положительном плане. Наибольшую ценность имеют монография А.А.Шишкина, посвященная проблеме обновленческого раскола, и книга З.Балевица, уделившая значительное внимание деятельности Псковской Православной Миссии на оккупированной территории Ленинградской области в годы Великой Отечественной войны.⁷ Траги-

ческим обстоятельствам изъятия церковных святынь и ценностей специально посвящены лишь работы Р.Ю.Плаксина, крайне тенденциозные и односторонние.⁸ Пересмотр прежних концепций российскими историками начался недавно, и новых трудов пока немного. Среди них выделяются статьи и книга В.А.Алексеева о государственной религиозной политике в 1920—1960-е гг.⁹

На грани воспоминаний и исторических исследований находятся активно публиковавшиеся в 1920-е гг. работы видных обновленческих деятелей — А.Н.Введенского, В.В.Титлинова, Д.Адамова и др. Они интересны лишь фактологической стороной, глубокой научной разработки изучаемые сюжеты в них не получили. Книги и брошюры 1920-х гг. были небольшими по объему и носили в основном агитационный, полемический характер. В конце 1930-х гг. попытку написать историю Русского Православия после Октябрьской революции предпринял бывший Ленинградский обновленческий митрополит Николай (Платонов).¹⁰ Однако она оказалась неудачной. К тому времени Платонов отрекся от религии и Бога и стал атеистическим агитатором. Естественно, что в обстановке массовых гонений на Церковь он смог создать лишь антирелигиозный пасквиль.

Несомненную ценность представляют исторические труды священнослужителей Русской Православной Церкви второй половины XX в. — митрополита Мануила (Лемешевского), епископа Сергия (Ларина), А.И.Кузнецова и др.¹¹ Значительное внимание в них уделялось обновленческому расколу. Особо необходимо выделить работы митрополита Ленинградского Иоанна (Снычева), содержащие много ценнейших материалов по истории иосифлянского движения.¹² Они активно использовались автором в соответствующем разделе книги. К сожалению, большая часть трудов священнослужителей никогда не публиковалась и представляет из себя машинописные рукописи, возможность знакомства с которыми крайне ограничена.

Наиболее существенный вклад в разработку новейшей истории Русского Православия внесли зарубежные, главным образом российские, эмигрантские исследователи. Так, мимо книг А.Краснова-Левитина и В.Шаврова не может пройти ни один ученый, занимающийся изучением церковных расколов 1920-х гг.¹³ Левитин, сам бывший обновленческий священнослужитель, написал достаточно подробное и богатое фактическими данными исследование, особое внимание уделяя Ленинграду. Однако некоторые моменты истории обновленчества освещены в нем недостаточно объективно, присутствует определенная идеализация движения, к тому же преувеличивается его близость к социалистическим идеям. Противоположный взгляд на историю церковных движений 1920-х — 1930-х гг. отстаивает Л.Регельсон. В своем чрезвычайно ценном исследовании он стремится доказать, что истина была на стороне „непоминающих“ (т.е. не поминающих за богослужениями Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия и гражданские власти). По-своему интересны и работы других эмигрантов: А.А.Валентинова, М.Польского, К.Криптона и др. Правда, в силу объективных

причин, вся эта обширная литература имеет, в определенной степени, ограниченную источниковую базу, так как материалы российских архивов в ней использовались недостаточно. Это же замечание относится и к трудам ряда немецких и англоязычных историков — Р.Реслера, Д.Поспеловского, Д.Депмана, Г.Шульца и др.¹⁵

Источниковую основу книги составляют в первую очередь архивные документы. Большая часть сведений была собрана в пятнадцати фондах Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб.), в котором хранится основная часть материалов по избранной теме. Епархиальные власти лишь несколько лет назад получили возможность создавать собственный полноценный архив, документов до 1945 г. в нем почти нет, и поэтому источники, содержащиеся в ЦГА СПб., являются уникальными. Значительная доля их ранее была засекречена и закрыта для исследователей, другая находилась в свободном доступе, но практически не вовлекалась в научный оборот.

В ЦГА СПб. содержатся, в основном, материалы государственных учреждений, регулирующих деятельность религиозных организаций в Петроградской губернии. Первоначально, с мая 1918 г., эти функции исполнял отдел юстиции губисполкома, а с 12 октября 1921 г. они были переданы в отдел управления, так как у первого отсутствовал соответствующий аппарат в районах и уездах. При отделе управления в ноябре того же года возник церковный стол, а еще через месяц подобные столы появились в нижестоящих инстанциях. Для разрешения наиболее значительных вопросов была организована специальная межведомственная комиссия из представителей отделов юстиции, управления, губпрофсовета, губполитпросвета и ГПУ. В начале 1922 г. к церковным столам перешли также функции регистрации обществ, союзов, религиозных и иных организаций, и 1 марта эти столы были соответствующим образом переименованы.

Наиболее крупный комплекс документов хранится в фонде Петербургского горисполкома (ф.7384), в описи дел Городской комиссии по делам культов, в 1931 г. сменившей стол регистрации и унаследовавшей его архивы. Это прежде всего дела по наблюдению за деятельностью храмов Ленинграда с 1917 г.: исторические справки, инвентарные описи, анкеты и списки членов „двадцаток“, священнослужителей, протоколы приходских собраний, переписка, планы, фотографии церковных зданий и т.д. Значительную ценность представляют данные об открытии и закрытии храмов, проведении религиозных празднеств, регистрации различных религиозных обществ. Имеются в материалах комиссии и дела по изъятию церковных ценностей, содействию властей захвату обновленцами руководящей роли в епархии в 1922 г.; уничтожению колоколов, разрушению церквей, арестам и высылке священнослужителей в 1920 — 1930-е гг. Аналогичные сведения по другим городам Ленинградской области содержатся в документах Леноблисполкома (ф.7179).

Обширное собрание материалов за 1918—1923 гг. хранится в фонде Петроградского губернского отдела управления (ф.1001) — протоколы заседаний и отчеты о деятельности столов регистрации, сводки об об-

шем, политическом, административном состоянии районов города в период изъятия церковных ценностей, переписка с епархиальным советом, митрополитами, обновленческим епархиальным управлением (ЛЕУ). Здесь же, а также в документах Ленгорисполкома, имеются стенограммы, протоколы епархиальных собраний и съездов обновленцев, списки и анкеты членов ЛЕУ. Материалы районных столов регистрации сохранились далеко не полностью. Лучше они представлены в фонде Петроградского (ф.151), Московско-Нарвского (ф.104) и Центрального городского (ф.56) райисполкомов, в них имеются и малоизвестные циркуляры вышестоящих инстанций. Правда, нужно отметить, что значительная часть соответствующих документов Василеостровского, Смольнинского и ряда других райисполкомов до сих пор закрыта для исследователей.

Основным источником для изучения проблем общей религиозной политики Советского государства в 1918—1919 гг., кампании вскрытия и изъятия мощей канонизированных святых Православной Церкви и т.п. являются фонды Центрального исполнительного комитета и Совета комиссаров Союза коммун Северной области (СКСО) (ф.143), а также комиссариата внутренних дел СКСО (ф.142). На основании директив и распоряжений НКВД, VIII (ликвидационного) отдела Наркомата юстиции они дают представление о деятельности центральных властей в этих вопросах. Сохранились в указанных фондах и письма, заявления, резолюции митрополита Вениамина (Казанского). Ценные сведения можно почерпнуть из документов Петроградского губернского Совета (ф.1000), в ряде стенографических отчетов и протоколов заседаний за 1921—1927 гг. которого зафиксированы материалы обсуждения депутатами различных религиозных вопросов.

Следует упомянуть и документы о духовном образовании в епархии в фонде Богословских института и училища (ф.8952), сумевших, несмотря на все преграды, просуществовать до конца 1920-х гг. Наконец, последний период избранной темы, историю епархии в годы Великой Отечественной войны освещают материалы уполномоченного Совета по делам русской православной церкви по Ленинградской области (ф.9324).

Интереснейший комплекс церковных документов за 1917—1925 гг. хранится в Российском государственном историческом архиве. Подробные сведения о первых столкновениях советских властей с Православной Церковью в Петрограде — конфискации синодальной типографии, попытке захвата Александро-Невской лавры, занятии синодальных зданий и др. — содержатся в фондах канцелярии Святейшего Синода (ф.796), учебного комитета при Синоде (ф.802), синодальной типографии (ф.800). Уникальную ценность имеют недавно рассекреченные материалы канцелярии Патриарха Тихона (ф.831) и Поместного Собора 1917—1918 гг. (ф.833). Хотя в них, в основном, присутствует общероссийская или московская тематика, определенная часть относится и к Петроградской епархии. Автором использовались также некоторые документы по истории Александро-Невской лавры (ф.815) и письма, отчеты бывшего

директора департамента по делам Русской Православной Церкви В.И.Яцкевича из его личного фонда (ф.1579).

При написании книги очень помогло использование дел по изъятию церковных ценностей и проведению судебных процессов над православными священнослужителями из Архива президента Российской Федерации (ф.3). В них содержатся протоколы заседаний Политбюро ЦК РКП(б) за 1922—1923 гг., письма Л.Д.Троцкого, возглавлявшего в тот период государственную религиозную политику, и т.д. Эти материалы ярко свидетельствуют о том, что захват церковной власти обновленцами проводился по инициативе, под давлением и при активном содействии государственных органов. Важную информацию за 1920—1930-е гг. удалось почерпнуть из данных Архива Управления Министерства безопасности Российской Федерации по Санкт-Петербургу и области — следственных дел священнослужителей: епископов Николая (Ярушевича), Венедикта (Плотникова), Димитрия (Любимова), протоиереев Николая Чукова, Александра Беляева, Михаила Чельцова и др. Ряд подборок документов по истории Русской Православной Церкви был изучен в библиотеке Санкт-Петербургской Духовной академии. Кроме того, нашли применение отдельные материалы Ленинградского областного государственного архива в г. Выборге и Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга.

При работе над книгой активно использовались публикации советских газет за 1920—1930-е гг.: „Известий“, „Правды“, „Красной газеты“, „Ленинградской правды“. Привлекались и статьи ряда православных периодических изданий: „Церковных ведомостей“, „Церковно-общественного вестника“, „Петроградского Церковно-епархиального вестника“, „Журнала Московской Патриархии“. Некоторые факты были взяты из обновленческих журналов: „Живая Церковь“, „Соборный разум“, „Вестник Священного Синода Православной Церкви“ и др. Правда, они требовали тщательной дополнительной проверки.

Таким образом, корпус источников по истории Петроградской (Ленинградской) епархии за период 1917—1945 гг. является достаточно обширным, разнообразным и вполне позволяет провести полноценное научное исследование.

Автор благодарит за оказанную помощь Санкт-Петербургский научно-информационный центр „Мемориал“. Книга подготовлена при содействии The Central European University Foundation.